

Зарина

БИКМУЛЛИНА

г. Москва

Зарина Рашитовна БИКМУЛЛИНА

родилась в Казани.

Студентка МГУ им. Ломоносова.

Публиковалась в альманахах и коллективных сборниках, в журналах

«Детская Роман-газета», «Дети Ра»

и в казанских «Талант», «Идель».

Автор четырех поэтических

и прозаических книг, лауреат всероссийских

и международных литературных конкурсов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

«Она заставляла себя дышать...»

СЧАСТЛИВАЯ

Она разрешила себе: дыши,
Теперь ни к чему беречь кислород.
Она разрешила и «жы», и «шы»,
Держа на кончиках пальцев восход.

Она разрешила себе не спать,
Смеяться прямо в лицо луне.
Скрипела грыжей пружин кровать.
Она — считала звезды в уме.

Она разрешила пломбир зимой
И танцы в бледной дымке ветвей.
Скроить волшебное платье самой:
Осталась неделя, быть может, две.

Она разрешила и пить, и петь:
Причина и следствие, А и Я.
С разбега запрыгнуть на скучную треть,
Слегка растянув земные края.

Аляска где-то над головой,
В ногах развалился Советский Союз.
Она решила остаться собой
И вместо крестика ставить плюс.

Успеет потрескаться тонкий лед,
Но вряд ли под зонтик спрячется сныть.
Она разрешила корицу и мед,
Ведь следующей осени может не быть.

Статистика жить не дает до ста,
Но кто запрещает прожить на сто?
Усталой стали моста достать:
Металл — такой же осенний листок.

Не доверяя случайным свечам,
Голодный камин доедает тетрадь:
Никто не узнает, как по ночам
Она заставляла себя дышать.

Еtc

У книжных детей было много больших забот,
Добро, справедливость и храбрость, эт сетера.
Все это — пока апельсин не утратил завод
И звезды вину берут на себя до утра.

Бумажные дети освоили устный счет:
Четыреста сорок, четыреста сорок два.
Отращивать сломанный хрящик их не влечет,
Пусть лужи себе под размер подбирает плотва.

Дома осыпают чешуйками этажи,
В глубинах мерцает люминесцентный планктон.
Серебряный век, переплавленный на ножи,
Лежит под подушкой,
 завёрнутый в плотный картон.

Покуда монетка решает, кто победит,
Бумажные дети не спят и не верят окну.
А Маугли на ветке в каменных джунглях сидит
И воем на синтетическую луну.

Четыреста сорок, четыреста сорок шесть.
Все жалобы крыши — на совести потолка.
Нельзя ни понять, ни сравнить убогую жуть
С блестящей жестокостью жала в стальных руках.

Зачем, если в планах десяток хороших дел,
Побед, эполет и полетов ветрам назло?

Бумажные дети считают в уме предел:
Четыреста сорок девять — плохое число.

От списка судов до Ахилла, от «альфы» до «хи»,
От Лимба и до зеленеющей финифти трав.
И дети с бумажными крыльями пишут стихи,
От собственных перьев большую часть отодрав.

Но жизнь не швыряет перчатки, а метит под дых,
Поправки внося в голубой выпускной альбом.
Порою приходится любых менять на любых,
Тестировать стены
 на стойкость собственным лбом.

В условиях рынка надо стоять на земле,
Когтями фундамента впиться в сухую треть.
Финансовый план создавая на восемь лет,
Всем надо крутиться и надо считать уметь.

Феномен слона в удаве необъясним.
Его в формалин или в топку, взростеть пора.
Уходит детство в зольный остаток, а с ним —
Добро, справедливость и храбрость, эт сетера.

Фонарик угаснет на желтых сухих листьях,
Бесшумно скользящих
 в ромашковый мягкий сатин.
А книжные дети заснут на четырехстах,
Не в силах прибавить еще пятьдесят один.

СУСЛИК

Когда пустота, будто в высохшем русле,
И трудно дышать, будто в воздухе смог,
Представь, что в степи

 дремлет маленький суслик,
Свернувшись в пушистый и теплый комок.

А где-то над сусликом плещутся маки,
Коробочки зерен и шелест семян.
И снятся ему золотистые злаки
И солнечный воин, и отблеск стремян.

И травы покрыты хрустящею коркой,
Которая сладко трещит на зубах.

Темно и уютно у суслика в норке,
И сам он степными лугами пропах.

Спит суслик. Он дергает левою лапой
И острую мордочку прячет под хвост.
А ветер разносит чарующий запах
Тревоги, полыни и конских волос.

И если весь мир, угловатый и жесткий,
Несется с обрыва, круша и дробя,
Пусть маленький суслик
 с пушистою шерсткой
Увидит прекрасные сны за тебя.